

движущимся силуэтомъ выдѣлился небольшой пароходъ новой конструкціи—безъ колесъ. На борту его, по голубому полю, было написано что-то серебряными буквами. Прягинъ старался прочитать: „Ра... Ра... Раиса“! Какъ это хорошо, что есть пароходъ „Раиса“! Пароходъ приблизился. Нѣтъ! Это не „Раиса“! Это „Висла“.

Никодимъ Павловичъ пересталъ смотрѣть въ бинокль. Мысли его перемѣнились. Онъ больше не думалъ о томъ, какія удовольствія обѣщаны на сегодня афишами скучающимъ горожанамъ.

— Раиса, Раиса!—произнесъ онъ.—Какъ очаровалъ ее этотъ легкомысленный докторъ!.. Чтожъ, въ порядкѣ вещей!.. Захаровна! дайте мнѣ, пожалуйста, сигару покрѣпче! Самую крѣпкую сигару—изъ плоскаго ящика!

Онъ закурилъ сигару и долго смотрѣлъ, какъ расплывается синій дымокъ въ блестящемъ утреннемъ воздухѣ. Захаровна принесла чай на балконъ. Онъ выпилъ чай и покинулъ балконъ, когда стало тревожить солнце. Пробѣжавъ наскоро газету и биржевой листокъ, онъ тщательно одѣлся.

„Разумѣется, Гранковскій крѣпко любитъ Пчелку, и, можетъ быть, съ нимъ она будетъ счастлива... Нѣтъ, я давно былъ у Цариновыхъ! Къ чорту цыганъ и сестеръ Аткинсъ! Поѣду къ Пчелкѣ—хоть посмотрю!“

Въ два часа Никодимъ Павловичъ былъ у Цариновыхъ. Его встрѣтилъ Федоръ Игнатьичъ и крѣпко пожалъ ему руку, какъ счастливый и великодушный человѣкъ.

XII.

Августъ мѣсяцъ прошелъ. Наступалъ сентябрь. Стояла дождливая погода, и по сѣрому небу бѣжали, клубясь, чуть замѣтныя, сѣрыя же тучки. Никодимъ Павловичъ сидѣлъ въ конторѣ, окруженный мѣдными проволочными стѣнками, и сквозь эту сѣтку разсѣянно посматривалъ на публику, которая переходила отъ одного отдѣленія конторы къ другому. Онъ только-что заключилъ кассовую книгу и подвелъ остатокъ къ первому числу. Гроссъ-бухъ — въ совершенной исправности. Прягинъ сдѣлалъ порядокъ на письменномъ столѣ и, натянувъ перчатки, ждалъ четырехъ часовъ, когда кончается служба. Часы пробили четыре красивымъ, сочнымъ звономъ, и всѣ конторщики встрепенулись. Никодимъ Павловичъ заперъ конторку, досталъ шляпу, которую